

В те времена, когда Ин Фэйчи еще жил в Школе Ланфэн, он — несмотря на все притеснения — считал себя весьма незаурядным. Пусть из страха, что Цинсюнь-цзы выжжет его духовные корни, он не смел обучаться магии, но за годы, проведенные за переписыванием свитков, он совершил невозможное. Он не просто запомнил всё содержание сгоревшего по его вине склада — заучил до последнего слова каждую книгу в Павильоне писаний.

Именно поэтому, не владея ни единым боевым заклинанием, он ухитрился избегать серьезных ран: знал все приемы соучеников наперед и в худшем случае отделывался лишь попраным достоинством. Этот багаж знаний позволил ему в новом мире не только самостоятельно создавать талисманы, но и наставлять Чжоу Маня на пути меча.

Однако первая же вылазка в город заставила юношу осознать горькую истину: сколь бы искусен тот ни был в культивации, это не могло скрыть его вопиющего невежества перед лицом внешнего мира. Ведь он вырос в изоляции, за стенами монастыря. В мире бессмертных, окажись он у подножия горы, не понял бы, как расплачиваться духовными камнями, что уж говорить о технологическом обществе.

Автомобили, небоскребы, дороги из непонятого материала — то ли камня, то ли земли — и мириады странных, оглушительных звуков... всё это по-настоящему пугало его. Но еще больше Ин Фэйчи тревожило другое. Он знал, что у Чжоу Маня есть великий план. Юноша не понимал его сути, но всем сердцем желал быть полезным — создавать талисманы или, достигнув стадии Трансформации Юань, возить учителя на мече в любые края.

Увидев же, как уверенно держатся другие люди — особенно этот Ло Жуй — Ин Фэйчи ощутил острый укол беспокойства. Он не мог вечно прятаться за спиной Чжоу Маня. Ему нужно было понять этот мир, впитать его правила, стать его частью.

А какой путь к познанию самый верный? Тот же, что и у детей: начать с самого начала.

— Чжоу Мань, — обратился Ин Фэйчи к мужчине, — эта «начальная школа»... она похожа на наши учебные залы для послушников?

Чжоу Мань как раз рубил мясо, собираясь накрутить для него тефтелей.

— В некотором роде, — отозвался он. — Там дети учатся понимать, как устроен этот мир.

Ин Фэйчи решительно кивнул.

— М-м... Тогда... Чжоу Мань, можно и мне пойти в школу?

— Тебе? — Чжоу Мань от удивления перестал рубить и обернулся, глядя на своего

подопечного.

В мягком свете Талисмана Освещения юноша выглядел серьезным и непоколебимым. Будучи учителем, Чжоу Мань неплохо разбирался в человеческой душе и сразу понял, что стоит за этой просьбой. Ребенок рос, и он не мог вечно водить его за руку по улицам.

Быть единственной опорой для кого-то — чувство приятное, но Чжоу Мань желал Ин Фэйчи иного: чтобы тот обрел силу самостоятельно противостоять жизненным бурям, и лишь после этого признал в нем свою единственную гавань — самую надежную и тихую.

— Что ж, хорошо, — согласился Чжоу Мань. — Как раз скоро начало занятий.

Подготовка к учебному году требовала немалых усилий. Нужно было вымести пыль из заброшенных классов, починить крышу, чтобы зимние дожди не заливали парты, выполоть сорняки во дворе. Впрочем, Чжоу Маню достаточно было лишь намекнуть — Ин Фэйчи тут же пускал в ход разнообразные талисманы, и работа спорилась сама собой. Самому же учителю предстояла еще одна поездка.

— В этот раз я отправляюсь в волость, за учебниками. Приберись пока дома и ни о чем не волнуйся. Я договорился с водителем трактора, вещей будет слишком много, вдвоем нам не донести.

«Трактор?» — при этом слове в голове Ин Фэйчи возникли образы железных чудовищ, виденных им на дорогах. Он робко кивнул:

— Хорошо, я буду ждать дома.

И он действительно послушно занялся уборкой.

Ближе к вечеру Ин Фэйчи уселся на пороге, погружаясь в медитацию. Но стоило ему закрыть глаза, как мысли невольно потекли к Чжоу Маню: «Почему он так долго? Успел ли пообедать? Не обидел ли его кто? И не крутится ли рядом этот Ло Жуй, пользуясь случаем?»

Сосредоточиться не получалось. Раздражение росло, и юноша уже собирался встать, как вдруг издали донесся странный гул.

«Трах-тах-тах! Дыщ-дыщ-дыщ!»

Грохот нарастал, и по звуку было ясно: это не живое существо, а очередной стальной монстр. Ин Фэйчи живо вообразил себе какое-то пятиколесное чудовище — одно колесо спереди, два по бокам — которое с воем несется к школе.

Наверняка этот грохочущий кошмар и есть тот самый «трактор»!

Сердце Ин Фэйчи ушло в пятки. Он приоткрыл дверь и опасливо замер за косяком.

Вдали показались клубы черного дыма. Из-за поворота вынырнула квадратная железная коробка, утыканная какими-то непонятными рычагами и деталями — зрелище было дикое. За коробкой тянулись длинные синие стальные «руки», соединявшиеся с навесом, а следом катилась открытая телега. Под навесом сидел старый знакомый — У Дун. В кузове среди груды коробок, спиной к дороге, сидел человек, в котором Ин Фэйчи сразу узнал Чжоу Маня.

Так вот какой прибор издает этот жуткий грохот!

Ин Фэйчи завороженно наблюдал, как трактор, содрогаясь всем корпусом, подсакивая на каждой кочке, наконец замер перед школьным крыльцом. У Дун что-то нажал, и монстр замолк, погрузившись в тяжелое, холодное безразличие металла.

«Совершенно бесполезная вещь, — подумал юноша. — В него даже высшие духовные камни вставлять бессмысленно — все равно не полетит. И зачем такие сложности?»

— Ой! — У Дун, заметив Ин Фэйчи, громко расхохотался. — А-Мань, гляди, твой паренек тебя встречать вышел!

Чжоу Мань спрыгнул на землю и поднял взгляд на Ин Фэйчи. Тот смотрел в ответ. То ли из-за долгой разлуки, то ли из-за вечернего зноя, их взгляды словно сгустились, сплелись в невидимом, жарком объятии.

Оба на мгновение замерли. Чжоу Мань первым отвел глаза.

— Дядя У Дун, спасибо за помощь, намучились вы сегодня. Уже поздно, забирайте мясо, пусть хозяйка приготовит, пока не испортилось. А вещи мы с Ин Фэйчи сами перетаскаем.

Он протянул водителю сверток со свежей свининой.

У Дун не стал церемониться: жара и впрямь стояла тяжелая. Поблагодарив, он ушел. Как только за ним скрылась тень, Ин Фэйчи вынес из дома Талисман Перемещения и прилепил его к трактору. Коробки одна за другой плавно поплыли по воздуху, выстраиваясь ровными рядами в кабинете.

Пока вещи летали, Ин Фэйчи украдкой разглядывал Чжоу Маня. Он покраснел на солнце, его лоб блестел от пота, а по шее стекали крупные капли. Юноша вдруг ощутил странный порыв: ему захотелось стать одной из этих капель. Или вовсе... прикусить этот кадык.

«Что за дикие мысли? — он тряхнул головой. — Неужели в прошлой жизни я был каким-то оборотнем? То и дело тянет кусаться!»

Ин Фэйчи нахмурился, пытаясь отогнать наваждение. Заметив его странное выражение лица, Чжоу Мань тут же встревожился:

— Что случилось? Голова болит? Перестарался с культивацией?

Он подошел вплотную и обхватил лицо юноши ладонями. В сумерках нужно было смотреть совсем близко, чтобы понять, не побледнел ли тот. Но коснувшись его кожи, Чжоу Мань замер: лицо Ин Фэйчи было таким маленьким, что почти целиком умещалось в его руках. Кожа оказалась невероятно нежной, шелковистой и теплой.

Они стояли в странном безмолвии: Чжоу Мань склонился, Ин Фэйчи поднял голову, и они дышали в едином ритме. Юноша смотрел туманным и обезоруживающе невинным взглядом, а его губы, чуть влажные и мягкие, были совсем рядом, кажется, стоит лишь...

Чжоу Мань, повинувшись какому-то неведомому зову, начал медленно склоняться ниже. Ин Фэйчи, словно в забытьи, прикрыл глаза.

— А-Мань!

Грубый, зычный голос ворвался в наступившую тишину, вдребезги разбивая хрупкое видение. Оба подскочили, словно марионетки, у которых дернули нити. Они уставились на пришедшего, боясь даже мельком взглянуть друг на друга. В груди бушевал шторм, а в душе — горькое разочарование.

— А-Мань, — У Дун подошел, широко улыбаясь и не замечая, что только что разрушил. — Всё перетаскали? Хозяйка зовет вас ужинать, стол накрыт.

— А... да... — выдавил Чжоу Мань. Голос его охрип, и он поспешно откашлялся. — Всё закончили.

У Дун глянул на пустой кузов и махнул рукой, приглашая следовать за ним. Чжоу Мань молча пошел вперед, заложив руки за спину и едва заметно поманив Ин Фэйчи за собой. Тот не смел поднять глаз. Он так волновался, что дыхание сбивалось.

Тётушка У Дун была мастерицей на все руки, и её свинина в красном соусе по праву считалась лучшей в деревне. Увы, оба гостя в тот вечер едва замечали вкус еды, механически работая палочками.

Один думал: «Что же это сейчас было? Почему это казалось таким правильным, таким долгожданным? Отчего так трудно дышать?»

Другой терзался иными мыслями: «Горе мне... Как же теперь спать в одной постели? Лишь бы ничего не случилось, он же еще совсем ребенок, совсем еще мал!»

Великолепная свинина так и осталась неоцененной по достоинству.

<http://bllate.org/book/17459/1695398>